

*Лысенко Е.А.,
заведующая экскурсионным отделом
Государственного музея политической истории России*

**«Споры вокруг перспектив революции и раскол сменовеховства».
(По материалам архива Н.В. Устрялова в Национальной библиотеке Чешской
Республики)»**

Сменовеховское течение, возникшее в кругах русской эмиграции в 1921 году, и названное в честь одноименного программного сборника статей, вышедшего в Праге,ⁱ являлось идеологией примирения белой интеллигенции с красной властью. Основной его целью было воссоздание величия России путем постепенной эволюции большевистского строя в сторону нового национального государства. Историческая наука особый интерес к сменовеховству стала проявлять в 1970-е гг., и упрочила его в 1990-е, что объяснялось стремлением общества переосмыслить советский опыт и дать ответы на вопросы: мог ли быть путь страны после октября иным и стал ли он продолжением исторического пути России, начатого ею задолго до октября?

Постепенное освобождение от сложившихся в оценках сменовеховцев штампов 1920-50 гг. привело историков к мысли об неоднородности этого течения. Особо в нем был выделен самый крупный и глубокий идеолог «Смены вех» Н.В. Устрялов, чья фигура в 1920-30 гг. стояла, в частности, в центре большевистских споров о будущем революции. Констатация факта о наличии двух «крыльев» в течении - правого (национал-большевистского, представленного Н.В. Устряловым, эмигрировавшим на территорию КВЖД) и левого (европейского и внутрirosсийского) – подразумевает необходимость более глубокого анализа идей двух данных направлений. Раскол в сменовеховстве произошел сразу же после его появления – в 1921 году. В дальнейшем он усугублялся и при этом тщательно скрывался от посторонних политических глаз самими сменовеховцами (по взаимной договоренности).ⁱⁱ Далеко не все тезисы, связанные с виденьем ими перспектив революции и большевизма, попадали на страницы их журналов и книг. «Мимикрия», о которой нередко они писали друг другу в переписке, была одним из их тактических приемов, которым они очень гордились и называли свойством «реальной политики». Именно переписка Н.В. Устрялова с его европейскими единомышленниками-оппонентами и будет проанализирована здесь. Поставленная нами

цель: показать глубину расхождений во взглядах сменовеховцев в отношении перспектив большевистской России на ее пути к «величию».

Следует отметить, что раскол сменовеховства в начальной его стадии не был замечен большей частью и эмиграции, и советской России, потому что периодические издания течения находились в руках исключительно левого сменовеховства. И хотя «правый» Устрялов регулярно публиковался в первые годы в их периодике, мнение о сменовеховстве складывалось благодаря тону преобладающих «левых» статей. При этом, те, кто действительно был заинтересован в понимании процессов внутри течения (к примеру, В.И. Ленин) прекрасно понимали глубину разногласий внутри сменовеховского лагеря.

Наибольшие разногласия у Н. Устрялова были с вторым крупнейшим сменовеховцем Ю.В. Ключниковым, старым другом по московскому университету и по работе в лагере адмирала А. Колчака в 1918-1919 гг. Непонимание между ними, возникшее уже к октябрю 1921 г. (при том, что программный сборник течения вышел в июле), несмотря на конфиденциальность споров, стало очевидно многим из тех, кто посещал лекции и диспуты с участием европейских сменовеховцев. Любопытен в этом контексте отрывок из письма неизвестного чеха – друга Устрялова, который пишет ему в январе 1922 года: «Ключников считается в русском заграничном обществе большевиком – не национал-большевиком, как Вы. Мое личное мнение: осторожно, Николай Васильевич! Господа из «Смена вех» идут слишком далеко! Они не стоят на вашей, безукоризненно национальной позиции. Я читал журнал «Смена вех», который – прошу отметить – разрешается к продаже и в Петрограде. Там гнут линию слишком влево. Даже пролетарская культура там принимается как будущая культура в мире. Это, я знаю, не ваше мнение...О Вас здесь мнение иное...и Вы, по-моему, все-таки остаетесь один, без верных единомышленников. И ...разве не окажитесь Вы опять одиноки, когда выявится истинное лицо этих примиренцев?»ⁱⁱⁱ

В чем же заключалась позиция Устрялова, которая не была услышана большей частью эмиграции? В чем суть спора «примиренцев» и «национал-большевика»? Прежде всего, в понимании того, что такое русская революция и как она отразится на будущем России и мира. Кроме того, была разница и в характере взаимоотношений с «советами».

Уже к началу 1922 года левые сменовеховцы, включая Ю. Ключникова, были охвачены романтическими идеями о перманентной мировой революции, которая сделает Россию «капитаном мирового революционного корабля». В этом они и видели ее будущее величие. Устрялов же совершенно иначе воспринимал место России в мировом историческом процессе, имел сложную, разработанную задолго до 1917 года,

историософскую схему взаимоотношения государства и нации, на взаимодействии которых и строятся столь любимые им имперские пути России, без которых, по его мнению, России просто не может быть. Мы можем быть только империей или не быть, - заявлял он.^{iv} Государство создает нацию, нация создает великую культуру, культура движет страну вперед. Многонациональная Россия, пройдя неизбежный для нее путь революции, рожденной волей нации, преодолет революционный хаос и выйдет на новый качественный круг своей истории, оставив в прошлом интернационализм и большевизм, прейдя спустя 30-40 лет к демократической форме правления. Никакой революционной романтики мировой смуты. Затухание революции, сделавшей свое дело.

Своим соратникам, «левеющим» на глазах, он пытался напомнить об этих базовых установках, ради трансляции которых и создавалось сменовеховство. Вот что он пишет А.Б. Бобрищеву-Пушкину в ответ на его письмо о скорой мировой революции: «Революция не может быть «перманентной» - тому свидетельство мировая история. Революция всегда есть *сравнительно кратковременный* (курсив автора – Л.Е.) процесс (ну лет 10), когда народ выходит из своей исторической колеи, насильственно порывает со своей исторической властью, отставшей от его правосознания, и находит новые формы бытия». Обычно он при этом заходит вперед, отчего революция, как правило, сопровождается реакцией. Он очень устаёт за эти годы и непременно утрачивает вкус к великим потрясениям, утрачивает всерьез и надолго. И если власть будет тянуть его к дальнейшим революционным потрясениям, он от этой власти так или иначе отделается».^v По его убеждению, революция достигает вершины через 4-5 лет, а после термидора начинается закат – тоже 4-5 лет. «Мы перевалили за гребень волны, кривая начинает падать».^{vi} Письмо датируется 1922 годом. По мысли Устрялова к этому времени русская революция достигла своего пика. Ее идея не умрет и начнет «гулять по миру», но это будут только отзвуки, а не мировой революционный процесс, который возглавит Россия.

При этом европейские сменовеховцы единогласно отстаивают перед Устряловым свое понимание революционной перспективы. Они единогласны в ожидании распространения русской революции на весь мир. И в этом видят свой «национализм» (не забывая, что именно из понимания «использования большевизма в национальных целях»^{vii} рождаются «Смена вех»).

«Вы правее, мы левее, - пишет Ю. Ключников 8 ноября 1921 г. в Н. Устрялову, - По-моему, правда на нашей, а не на Вашей стороне. ... Не бойтесь упреков в большевизме и не пугайте меня тем, что я стал большевиком. Совсем большевиком я не стану никогда... Но зато я уже и теперь не боюсь никакой близости с большевиками».

Именно так называемая «близость с большевиками» дискредитировала европейское сменовеховство в глазах русской эмиграции. Призыв вернуться в Россию и сотрудничать с новой властью опять же звучит впервые из уст «левых» сменовеховцев. Н. Устрялов относился к возвращению с осторожностью. В письме к Ю. Ключникову он констатирует: «я кажусь полезным большевикам тут, в Харбине, все изменится, если я вернусь». Он так же предостерегает друга от нелепых мечтаний о возможности издавать в Советской России свой независимый печатный орган.^{viii}

Устрялова смешит и разочаровывает проповедь «революционного опьянения», свойственная левому сменовеховству. Ведущие европейские сменовеховцы в один голос говорят о романтике революции, о своем великом месте в будущем революционной России и мира. «Мы вольемся новой, свежей струей в русскую жизнь. И вот именно потому, что хочется и нужно быть свежей струей – в этом наш смысл – я не могу уже упиваться великодержавными и националистическими мечтаниями в стиле покрасневшего Струве. Горизонты сейчас шире, возможности – больше», - пишет Ключников. В чем они, эти горизонты? В его понимании «большевики стали реалистами, они научились делать уступки; это уже не только радость, но и опасность. Кто-то должен взять у них и понести далее часть их бывшего опьянения, размаха <...> Я буду носителем этого опьянения и ради России, и ради всего мира, которые уже не противопоставляются мной, как Вами пока. Во всем мире я вижу отблеск России, а Россия – это становящийся мир».^{ix}

Устрялов безуспешно пытается развернуть своих соратников от пустых пафосных высказываний к выработке тактики, которая послужит реальной пользе России. Говоря о сотрудничестве с большевиками, он настаивает на том, что советские лидеры могут сказать о «Смене вех» - «они с нами», но не «они наши». Этого допустить нельзя. Ради великого будущего России необходима эволюция большевизма.

На его взгляд он предлагает четкую тактику, которой должен неотступно следовать весь сменовеховский лагерь, не дискредитирую себя в глазах ни «белых», ни «красных». Устрялов излагает ее в письме Бобрищеву-Пушкину, которого считает наиболее верным себе человеком в Европе. Она строится на нескольких принципах:

1. Новая экономическая политика (нэп) порождает «красного буржуя», который, «помахивая красным флагом» воссоздаст национальную Россию. Цель сменовеховства в этой ситуации: «учет и оттенение тех социальных элементов, которые родились на почве революции, но по своей сути социальной далеки от ортодоксальной идеологии «зенитного периода». При этом, следует не пропустить рождение «нового Столыпина», который доведет процесс до конца. 2. Отмежевываясь от коммунистов, нужно дружественно критиковать советскую власть, преодолевая желание в пике эмиграции

бесконечно хвалить Советы. 3 Необходимо чаще и больше говорить о ценности в русской культуре и русской национальной идеи в государственностроительстве. «В этом отношении, между прочим, - пишет Устрялов, - я чрезвычайно заинтересован течением «евразийства»».^x

Нужно констатировать, что договориться сменовеховцам так и не удалось. Н. Устрялов продолжал «праветь», а его друзья в Европе перешли к полной апологетике большевизма. Значительная часть из них вернулась в Советскую Россию, пред этим заручившись финансированием своего эмигрантского издания «Накануне» со стороны советских спецслужб,^{xi} которые, впрочем, вскоре разочаровались в эффективности влияния дискредитировавших себя «полевением» сменовеховцев на эмигрантские круги. Н.В. Устрялов, с 1919 года ожидавший «русского Бонапарта», увидит его в Сталине, вернется в СССР и будет расстрелян в 1937 г. как японский шпион. Прежде чем окончательно порвать со сменовеховцами к середине 1920-х гг, Устрялов узнает о денежных влияниях Политбюро в сменовеховскую газету, осудит, перестанет печататься в «левых» изданиях, но переубедить своих товарищей так и не сможет. А кроме всего прочего, на десятилетия будет поставлен советской исторической наукой и эмигрантской общественностью в список «примиренцев» в их «левом» сменовеховском понимании, так глубина противоречий, которые были тут рассмотрены, была преимущественно скрыта от многих глаз, о чем и мечтали сами представители «Смены вех».

ⁱ Смена Вех. Прага, 1921.

ⁱⁱ Национальная Библиотека Чешской республики (Pamatnik narodniho pisemnictvi). Фонд Н.В. Устрялова. П. «Переписка со сменовеховцами». Л. 27.

ⁱⁱⁱ Там же. Л. 37.

^{iv} Устрялов Н.В. К вопросу о русском империализме//Проблемы Великой России.1916, №15. С.1-5.

^v Национальная Библиотека Чешской республики (Pamatnik narodniho pisemnictvi). Фонд Н.В. Устрялова. П. «Переписка со сменовеховцами». Л. 40.

^{vi} Там же. Л.40.

^{vii} См.: Струве П. Историко-политические заметки о современности. // Русская мысль. 1921. N5-6. С. 215-222

^{viii} Национальная Библиотека Чешской республики (Pamatnik narodniho pisemnictvi). Фонд Н.В. Устрялова. П. «Переписка со сменовеховцами». Л. 27.

^{ix} Там же. Л. 17.

^x Там же. Л. 40.

^{xi} РГАПСИ. Ф. 17. Оп.3. Д. 261. Л.3.